

А. Б. Вебер

Взаимосвязь традиций и инноваций в свете проблем современности

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5149

Вебер Александр Борисович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник, Институт социологии РАН.
Россия, Москва, 117281, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: mailbox@polisma.ru
Тел.: +7 (916) 017 95 58

Аннотация. Приоритеты модернизации и инновационного развития не должны заслонять экзистенциального значения традиций как другой, не менее важной стороны общественного бытия. В фокусе статьи – соотношение традиций и инноваций, рассматриваемое применительно к парадоксальной ситуации нашего времени, с её разительным контрастом между впечатляющими технологическими и экономическими достижениями цивилизации, открывающими невиданные прежде возможности для создания достойных условий жизни для всех, и оборотной стороной этих достижений – глобальными рисками и угрозами для человечества. В данной ситуации традиции как социальный механизм передачи аккумулированного в них жизненного опыта многих поколений, в том числе опыта адаптации к изменениям, выполняют стабилизирующую функцию. Сознательное или интуитивное сопротивление натиску глобальных рыночных сил и крайнего индивидуализма находит опору в традиционных ценностях национальных культур, религии, семьи, человеческой солидарности. Благодаря культурным традициям сохраняется возможность непрерывности, преемственности, устойчивости социального воспроизводства. Придерживаясь историко-социологического подхода, необходимо учитывать и различия в роли традиций на разных исторических этапах, разное понимание традиций в контексте различных ситуаций и идеологических интерпретаций. Особое внимание уделяется взаимосвязи традиций и инноваций в политической сфере, в том числе в России.

Ключевые слова: традиции, инновации, ценности, национальные культуры, глобализация.

Традиции и инновации, будучи двумя сторонами общественного развития, находятся в сложном отношении, которое с известной степенью условности можно определить как их *синкретизм*, т. е. сочетание, соединение разнородных, разнонаправленных начал. Общим для них является именно то, что они имманентны общественному развитию. С этой его особенностью, которой соответствует присущая человеческой природе антиномичность, связана возможность непрерывности, преемственности, устойчивости того, что называют «социальным воспроизводством».

Инновации и общественное развитие

Значение традиций трудно понять в полной мере без обращения к инновационной стороне общественного развития. История инноваций, понимаемых как получение и применение новых знаний в различных областях человеческой де-

тельности, восходит к глубокой древности — начиная с изобретения лука, колеса, плуга и т. п. Это один из важнейших факторов социальных изменений, темпы которых, особенно под влиянием научно-технического прогресса, закономерным образом ускорились в последние несколько столетий и продолжают ускоряться в наше время.

В основе инноваций лежит индивидуальное начало, присущая человеку креативность, его способность экспериментировать, познавать, получать и применять новые знания на практике. Результатом научных революций нового и новейшего времени, взрывного, лавинообразного ускорения темпов накопления и распространения научных и практических знаний, стали процессы *модернизации* обществ, начавшиеся в странах Западной Европы в Новое время и распространившиеся затем на многие страны за её пределами.

Инновационными разработками стали заниматься специальные исследовательские и производственные структуры, в том числе так называемые креативные корпорации. О масштабах этой деятельности в наше время можно судить хотя бы по тому, что в США, например, в начале XXI века только в сфере информационных услуг действовало более 850 тыс. компаний — в основном небольших по числу занятых, хотя свои исследовательские отделы и лаборатории имеют теперь и крупные корпорации. Ежегодное число заявок на патенты и выданных патентов на изобретения (*innovations*) в промышленно развитых странах тоже исчисляется сотнями тысяч.

Взаимосвязь научно-технического прогресса и общественно-го развития неоднозначна. С одной стороны, открываются новые возможности человеческого развития, повышения общественной производительности труда, уровня и качества жизни. Индекс технического прогресса, рассчитываемый экспертами ООН, коррелирует с индексом развития человеческого потенциала. Эта связь двусторонняя — развитие человека, улучшение материальных условий жизни, бóльшая доступность качественного образования и медицинского обслуживания становятся, в свою очередь, дополнительным стимулом для креативной деятельности.

С другой стороны, инновации — это и новые социальные проблемы, новые вызовы для человечества. Отчасти ответом на эти вызовы стало распространение общественных организаций, сфера деятельности которых охватывает широкий круг *социальных инноваций* — будь то защита окружающей среды, прав человека вообще и как потребителя в частности, социальная поддержка нуждающихся, культурный обмен или вопросы международной безопасности. Но этого всё же недостаточно для нейтрализации судьбоносных для человечества вызовов. Противодействие им требует действенных мер со стороны государственных властей, скоординированных усилий мирового сообщества, а это остаётся пока под большим вопросом.

Больше инноваций — больше рисков

Современное мировое развитие парадоксально. С одной стороны — огромные технологические и экономические достижения человечества, открывающие невиданные прежде новые возможности создания достойных условий жизни для всех, с другой — и именно вследствие этих достижений — угрожающие последствия для окружающей природной среды, для здоровья и жизни людей. И ещё одна опасность — качественно новый уровень вмешательства человека в природные процессы, обретение способности не только использовать природные силы в своих целях, но изменять и дополнять созданное Природой, становиться *Творцом* квазиприродных процессов, весьма неоднозначных по своим возможным отдаленным последствиям [Варшавский, 2014].

С достижениями естественных наук и научно-технического прогресса связывают представление о *ноосфере*. Выдающийся российский учёный В. И. Вернадский, ещё до того как он обратился к понятию «ноосфера», стал разрабатывать идею «автотрофного человечества» [Вернадский, 1993: 462–486]. Идею, которая подразумевает отказ от «проедания» природных ресурсов человечеством, переход на химический синтез пищевых продуктов и возобновляемые источники энергии. У Вернадского, правда, возникло потом сомнение — не утопия ли это, но он всё же надеялся, что развитие научных знаний позволит в будущем осуществить эту идею.

Пока же, по прошествии почти ста лет, угрозы для человечества продолжают нарастать. Чем больше проблемных инноваций, тем больше *рисков*. С усложнением естественнонаучных знаний всё труднее становится оценить отдалённые последствия их применения. Что перевесит в инновационных процессах: новые возможности всеобщего процветания или угрозы? Появляется всё больше свидетельств того, что растущие риски и прямые угрозы, связанные, например, с использованием атомной и, в перспективе, термоядерной энергии, с геной инженерией, с информационно-коммуникационными сетевыми технологиями и пр., в чём-то начинают перевешивать приносимые ими блага.

Одна из главных причин — безудержная коммерциализация достижений науки и научно-технического прогресса. Рыночная конкуренция побуждает предпринимателей использовать полученные наукой новые знания для создания всё новых видов (или разновидностей) товаров и услуг. Но крупные корпорации не решаются начать их производство, не создав предварительно спрос на новые продукты. Для этого приходится затрачивать огромные средства на самую изощрённую рекламу («Вы этого достойны!»), на искусственное стимулирование новых потребностей, часто иррациональных и просто вредных, даже опасных как для здоровья и психики людей, так и для окружающей среды.

Коммерциализация прочно захватила сферу высоких технологий. Вот наглядный пример. Корпорация американского миллиардера и изобретателя Илона Маска создала и испытала новый тип ракеты-носителя, который он планирует

использовать в коммерческих целях — для организации космического туризма (!), а также для запуска более быстрого, недорогого и доступного всей планете спутникового Интернета (этого, по выражению кинорежиссера С. Говорухина, «информационного оружия массового поражения»). Проект предполагает отправку на низкую околоземную орбиту 12 тыс. (!) аппаратов. Последствия этого для жизни на Земле миллиардера вряд ли интересуют¹.

Немалую роль в распространении проблемных инноваций, связанных с непредсказуемыми рисками и угрозами, играет честолюбие, соперничество учёных в погоне за новизной и признанием их первенства на поприще реальных или мнимых открытий, отсутствие должного общественного контроля и нравственного самоконтроля. Добавляет рисков национальный эгоизм в мировой политике, гонка вооружений, дефицит доверия, без которого невозможно выстроить эффективную систему коллективной безопасности. В результате мир всё больше «отклоняется» от оптимальной с точки зрения общего блага траектории устойчивого (*sustainable*) развития, а угрозы катастрофического развития возрастают.

Традиции тоже имеют значение

Эти всё более очевидные и тревожные тенденции современного развития актуализируют значение *традиций* в общественном бытии. Традиции как социальный механизм наследования ценностных установок, передачи от поколения к поколению образцов поведения (обычаев, привычек, моральных норм, обрядов и т. п.) определяют культурную самобытность народа, его национальную идентичность, а во многом и повседневное поведение людей. Это кристаллизация коллективного опыта многих поколений, в том числе опыта *адаптации* людей к меняющимся обстоятельствам. Это проблема сохранения необходимого равновесия между поддержкой традиционных образцов и ценностей и приспособлением к новым реалиям, что требует соответствующей корректировки традиционных ценностных систем.

Поэтому традиции — не только прошлое, это то из прошлого, что сохраняется в настоящем, что существует в нас самих. Традиции придают значимость и легитимность определённому *порядку* как одной из

¹ Среди других проектов И. Маска — разработка устройства, которое позволило бы соединить мозг человека с компьютером. Считается, что это позволило бы увеличить эффективность работы мозга, естественные ресурсы которого к настоящему времени будто бы уже исчерпаны. Понятно между тем, что такой симбиоз, если когда-нибудь удастся его осуществить, легко смогут контролировать какие-то внешние силы.

важнейших для человека ценностных ориентаций. Макс Вебер в своей классификации человеческих действий относил традиционные действия к низшему уровню рациональности, на границе чисто реактивного поведения, не связанного с субъективным целеполаганием, и осмысленного, рефлексивно направленного поведения [Цит по: Давыдов, 1990: 351]. В общественной практике традиционные и целерациональные действия сосуществуют. Это один из важнейших «устоев» общества, то, что способствует сохранению скрепляющих его человеческих связей, целостности социума и преемственности общественного развития.

Каждое поколение входит в жизнь, заставляя общество таким, каким оно ранее сложилось, при обстоятельствах, унаследованных от прошлого. В процессе *социализации* индивидов исторические традиции воспринимаются, впитываются большей частью на уровне «коллективного бессознательного». В повседневной жизни неизбежно присутствует много рутины: большинство людей действует, следуя тем или иным образцам поведения, принятым в их среде, в обществе, закреплённым в обычаях, в культурных «кодах» нации, ориентируется на то, что привычно, знакомо. «Привычка свыше нам дана, замена счастию она» (А. С. Пушкин).

Насколько сложным является общество, настолько многообразны традиции. В той или иной мере они присутствуют во всех сферах человеческой деятельности. Особенно велика роль традиций в *религиозном сознании*, в *этногенезе*, в становлении *национальных общностей*. Существуют традиции местные, бытовые, обрядовые, корпоративные. Есть специфические традиции, присущие тем или иным социальным слоям, сословиям, классам. Можно говорить о традициях негативного или позитивного свойства, но в данном случае та или иная оценка зависит от подразумеваемых конкретных обстоятельств, а также от того, из какой системы ценностных или мировоззренческих координат она исходит.

Для правильного понимания роли и значения традиций в жизни общества принципиальное значение имеет историко-социологический подход. Важно различать в истории «малое», событийное время и «большое время» культуры. Культура не «устаревает» вместе с «устарением» других явлений общественной жизни, на что справедливо обращал внимание М. М. Бахтин [История теоретической..., 2000: 686]. При всём многообразии своих конкретных проявлений культура, благодаря устойчивости культурных традиций, сохраняет свою целостность на протяжении долгого времени, в масштабе целых эпох¹.

Вместе с тем по мере изменений в обществе отчасти меняются и традиции; что-то утрачивает своё значение, что-то в той или иной форме сохраняется; обновляющийся мир порождает новые традиции и т. д. История знает события, которые подрывали весь традиционный порядок вещей, создавая новый порядок, новые традиции, придавая им статус идеологических систем, новой морали. Так, якобинизм, взорвавший «старый порядок» во Франции конца XVIII века, получил продолжение в ленинизме как идеологии строительства нового мира со своими новыми традициями.

¹ Обстоятельный анализ культурологических аспектов проблемы см.: [Костина, 2010].

Но старые традиции сплошь и рядом оказываются сильнее новых, они имеют тенденцию «возродиться», «восстанавливаться» даже после самых радикальных социальных потрясений, как это было после всех великих революций прошлого. Точно так же в современную эпоху «самобытность сопротивления» (выражение М. Кастельса – в оригинале «*resistance identity*») напору глобальных рыночных сил и крайнего индивидуализма находит себе опору в традиционных ценностях религии, нации, семьи, в присущих людям побуждениях к солидарности и коллективным действиям [Castells, 1997; Кастельс, 1999: 298].

Менялось в разные исторические эпохи и понимание роли и места традиций в обществе. История человеческой цивилизации началась с *традиционных* обществ, где строй жизни людей определяли неизменные и жёсткие нормы повседневного поведения, освящённые религиозными верованиями. Религия выступала там источником легитимности режима. Это во многом и сейчас присуще некоторым странам – например, мусульманским, где ислам – не только религия, но и образ жизни.

Переход к *современности* ознаменовался обращением к Разуму Человека – в противоположность старым традициям, особенно клерикальным, которые стали восприниматься как «предрассудки», следствие невежества. И верой в *прогресс*, характерной для мыслителей эпохи Просвещения. Начавшись на Западе, процессы модернизации под влиянием внешних импульсов стали распространяться в остальном мире. Различия в исторически сложившихся культурных традициях народов обусловили многообразие паттернов модернизации, а тем самым – и типов локальных цивилизаций¹.

Современное общество: либерализм, социализм, консерватизм

Идеи мыслителей эпохи Просвещения способствовали формированию и распространению либеральных и социалистических идеалов «свободы, равенства, братства». Проекты рационально конструируемого «лучшего будущего» и события Великой Французской революции вызвали, в свою очередь, *консервативную оппозицию*. Помимо реакционного направления в консерватизме, с присущим ему слепым

¹ Роли традиций в процессах модернизации посвящены исследования американско-израильского социолога Шмуэля Эйзенштадта. См., в частности: [Eisenstadt, 1973; Eisenstadt, 1989].

поклонением прошлому, тогда появилась и умеренно-консервативная трактовка традиций как необходимого регулятора социального поведения, не отрицающая свободы личности, познания, творчества, развития, постепенного «приращения» социальных изменений. Этот «либеральный» тип консерватизма связывают с именем Эдмунда Бёрка, с его принципом «сохраняй, изменяя» [История теоретической..., 2000: 541].

В XX веке получило распространение идейное течение, известное под названием *неолиберализм*. Появление этого течения стало реакцией на подъём социалистического движения в промышленно развитых странах и, прежде всего, на Революцию 1917 г. в России, на приход к власти большевиков, которые провозгласили программу строительства социализма. В противоположность классическому либерализму неолиберализм отводит ключевую роль традициям, особенно рыночным (частная собственность, неограниченная конкуренция, накопление и т. п.), а не разуму.

Ф. Хайек, один из идейных столпов неолиберализма, утверждал, что традиционные, спонтанно сложившиеся нормы рыночной морали «мудрее» разума. Он превозносил стихийность «рыночного порядка» (порядок «всегда стихийен!»), безоговорочно экстраполируя оценки прошлого (во многом справедливые) на настоящее и будущее. Настаивал на благодетельной роли социального неравенства. Осуждал «конструктивистский рационализм» как источник «пагубных» социалистических идей, в любой их форме. Солидарность, справедливость, коллективность трактовал как атавизмы древности, дань «стадным инстинктам», которые социализм якобы стремится возродить [Хайек, 1992]. Неолиберализм как идеология и как политика по своей сущности сродни *неоконсерватизму*.

В противоположность этим крайностям существуют и представления, которые охватываются общим понятием «*прогрессизм*». Феномен прогрессизма возник под влиянием впечатляющих достижений науки и техники. Однако со временем плоды научно-технического прогресса принесли не только поклонение ему, вплоть до представления о саморазвитии техники и подчинения ей развития общества («техницизм» в социологии), но и разочарование — когда стало очевидным, что в сфере нравственности это сопровождается не прогрессом, а, скорее, регрессом, что приносимые научно-техническим прогрессом блага распределяются крайне неравномерно, а его последствия весьма неоднозначны.

К феномену прогрессизма можно отнести также универсалистские концепции истории, представления об однолинейной направленности общественного развития. Эти представления опровергаются историческим опытом. Критики «прогрессистской догмы» констатируют: «новое» не всегда лучше, чем «старое» просто потому, что оно («новое») «современнее». «Новому» сегодня неизбежно суждено превратиться завтра в «пережиток прошлого» [История теоретической..., 2000: 685–687]. Свойственная *постмодернизму* мания новизны, стремление заменить современное ультрасовременным находят благодатную почву везде, где правит бал рыночная стихия.

Как тотальное отрицание традиций (чреватое «вседозволенностью», возмущавшей Ф. Достоевского), так и обращённый лишь в прошлое консерватизм ущербны для общества. Тогда как умеренный консерватизм способен выполнять *стабилизирующую* функцию в обществе. Консерватизм, по словам Б. Капустина, — это не «охранительство вообще», не барьер на пути общественных изменений и реформ, и не призыв «вернуться в прошлое», а ориентация на эволюционное развитие при сохранении и развитии присущих данному обществу культурных традиций. Это не отрицание либеральных ценностей (личной свободы, прав человека), а противовес претензиям либерализма (точнее — современного неолиберализма, как и доктринального социализма) на универсальность, на превращение общества во всеобщую либеральную (или социалистическую) *систему* [Капустин, 2004: 44–53].

Политический порядок: опыт Запада

Традиции, как и новации, присутствуют практически во всех сферах жизни, в том числе в *политической*. Политические системы в любой стране несут на себе отпечаток особенностей её развития, исторического опыта, национального характера народа. Присущие разным национальным культурам традиции в той или иной степени определили своеобразие существующих в мире политических систем.

В странах Западной Европы ещё в средние века стали возникать институты сословного представительства, стремившиеся ограничить королевскую власть требованиями гарантий личных свобод, признания за ними права голоса в вопросах налогообложения, торговли и пр. В Англии эта традиция восходит к Великой хартии вольностей XIII века. В том же столетии там появился Парламент — орган представительства интересов рыцарей, феодалов и богатых горожан. Но потребовалось несколько столетий борьбы и две революции в XVII веке, прежде чем в Англии получил признание принцип разделения властей и утвердился политический строй конституционной монархии при главенстве парламента как законодательной власти и кабинета министров, зависимого не только от короля, но и от парламентского большинства.

Политические доктрины эпохи Просвещения, формировавшиеся, в частности, под влиянием эволюции институтов власти в Англии и установления республиканского строя в бывших британских колониях в Северной Америке, подготовили идеологическую почву для Французской революции конца XVIII века. Она нанесла решительный

удар абсолютизму королевской власти и дала новый мощный импульс становлению в Европе, а затем и в других частях света, политического строя современной демократии и парламентаризма.

Отличительной особенностью западных политических систем стал высокий уровень *институционализации* властных отношений, приверженность принципам разделения властей, верховенства закона, независимости судебной власти. Благодаря высокому уровню институционализации, как и вследствие укоренённости в историческом опыте демократических традиций, сложился тот порядок, при котором стабильность могла сохраняться даже в условиях острого противостояния конкурирующих партий в борьбе за участие во власти. При этом неопределённость исхода парламентских и/или президентских выборов и сменяемость правящих партий не воспринимались как реальная опасность.

Важной чертой западных политических систем и политической культуры стал консервативно-либеральный (или либерально-консервативный) *дуализм* — чередование у руля правительственной власти партий/коалиций либеральной или консервативной направленности. Но со временем стали нарастать и опасные для западной демократии процессы. Власть денег, деформирующая политические институты в пользу привилегированных групп, упадок общественной морали, миграционные проблемы и рост национализма всё больше подрывают стабильность западных политических институтов. Растущее недовольство «низов» безбрежным либерализмом сопровождается укреплением позиций и влияния правонационалистических сил, апеллирующих к консервативным традициям.

Особенности российской политической системы

Свои особенности присущи и политическим системам других стран, в том числе России. Главная её особенность — высокая степень централизации власти. Государственное строительство на Руси происходило под влиянием двух «образцов» централизации власти — византийского, с одной стороны, и золотоордынского, с другой. На протяжении столетий особых затрат энергии требовало в первую очередь «собираение земель», защита страны от внешних нашествий, территориальное расширение в стремлении выйти на защищаемые естественные рубежи, укрепление имперских основ государства. В пользу максимальной централизации власти действовали не только особенности географического положения страны, не только огромная протяженность её территории, но и особые трудности её хозяйственного освоения, связанные с континентальным климатом, рассредоточение населения на бескрайнем пространстве, его этническая, конфессиональная и социокультурная неоднородность, относительная обособленность локальных миров. В этих условиях *моноцентризм власти* выступал как государственная необходимость.

«Россия, по своему естественному, т. е. географическому, положению должна иметь самодержавный образ правления» — такова была, по словам нашего крупнейшего историка В. О. Ключевского, стержневая мысль знаменитого «Наказа» Екатерины II [Ключевский, 1989: 75]. И этот образ правления, т. е. монархия в её абсолютистской форме, просуществовал в России дольше, чем где-либо в Европе. Все попытки ограничить самодержавие — как со стороны аристократической (боярской) оппозиции или церкви, так и со стороны дворянских революционеров — потерпели неудачу.

Политическую систему в России характеризуют как *персоналистскую* — эта особенность также укоренилась в исторической традиции со времён самодержавия [Холодковский, 2013: 144–145]. Но характер легитимации изменился — в прошлом *сакральный*, он стал теперь *секулярным*. Первое лицо воспринимается большинством как олицетворение «народного суверенитета», как главный народный заступник — и в качестве такового получает народную санкцию, доверие граждан.

Ещё одна особенность связана с «кормленческой функцией» прежней самодержавной власти, со средневековой практикой «кормления» как способа организации властных отношений [Кондратьева, 2009]. В специфической форме эта традиция воспроизвелась в советское время — как ранжирование привилегий при централизованном распределении материальных благ («кремлёвка»). Пережитки образа «власти-кормушки» дали себя знать и в наше время — в фактической раздаче госсобственности под видом либерализации экономики, в склонности представителей управленческой элиты к коррупции.

Исторические особенности формирования российской государственности наложили отпечаток на менталитет россиян во многих отношениях. Это привычка к почитанию верховной власти как «власти от Бога», феномен соборности, ожидание «милостей» от власти, защиты от произвола местных чиновников и «хозяев жизни». В России, в отличие от стран Западной Европы, не получила развития традиция представительной демократии, хотя зачатки её на определённом этапе возникали (Земские соборы XVI–XVII веков).

Прошлое, даже при самых радикальных поворотах истории, не исчезает. Многие из прошлого остаётся в сознании людей, передаётся в поколениях, обретая подчас новый смысл в контексте меняющейся действительности. О национальной гордости великороссов писал В. И. Ленин, интерпретируя это с «классовых» позиций. По-своему использовал тему наследия прошлого И. В. Сталин, поощряя возвеличение и идеализацию Ивана Грозного, Петра Первого, что должно было служить историческим оправданием «варварских методов» модернизации и укрепления государственной власти.

Сталинизм в своеобразной форме воспроизвёл типические черты российского менталитета, унаследованные от прошлого. Особое звучание получило обращение к исторической памяти народа, к образам «наших великих предков» в годы Великой Отечественной войны. С именем Сталина по сей день в сознании многих россиян связано представление о сильной власти как гарантии «порядка». Не менее половины россиян, отдавая себе отчёт, что речь идёт о «тиране», всё же в основном положительно оценивают его роль в истории страны.

Исследования массового сознания россиян подтверждают: большинство ставят на первое место такие традиционные ценности, как порядок, стабильность, сильная государственная власть. По оценке учёных Института социологии РАН, до двух третей граждан можно отнести к категории «государственников» — большей частью «левой» (сильное государство + социальная справедливость) или, в меньшей степени, «правой» (сильное государство + рынок) ориентации [О чём мечтают..., 2013: 85]. Иными словами, традиционалистские, консервативные настроения, хотя и по-разному идеологически окрашенные, в массовом сознании преобладают. Странников социал-демократических или право-либеральных политических установок не более одной трети, причём последние не имеют серьёзной массовой поддержки.

Особая роль традиций в российской социально-политической практике обусловлена, помимо всего прочего, двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, для очень многих в стране первостепенное значение сохраняют ценности *выживания*. А в этом случае значимость традиций для людей особенно велика: в них они находят жизненную опору — в патерналистских надеждах на власть, в семейных ценностях, в религии. С другой стороны, традиционализм становится одним из политических инструментов власти, способствуя консолидации общества и мобилизации масс на основе таких духовных ценностей, как патриотизм, историческая память народа, православие.

Президент России В. Путин, позиционируя себя как государственника, приверженного истинным российским традициям и ценностям, учитывает, несомненно, эти особенности России и менталитета российских граждан. «Сила России — внутри нас, в наших традициях и культуре...», — говорил В. Путин, обращаясь к депутатам Госдумы VII созыва. Эта мысль постоянно присутствует в его публичных выступлениях. Неслучайно поэтому, что поддержка В. Путина в обществе, несмотря на трудности последнего времени, сохраняется на высоком уровне.

Единые как *партия власти* определили свою идеологическую платформу как консерватизм центристского толка, сочетая курс на сохранение и укрепление существующего общественно-политического строя, поддержку национальных традиций и обещания выполнять социальные обязательства государства с поощрением возможных в этих рамках инноваций и модернизации. Этот курс отвечает настроениям основной массы населения. Так, в марте 2017 года на вопрос: «Если бы можно было начать свою жизнь заново, в какое

время вы предпочли бы жить?» – 33% респондентов ответили «Сейчас, при президенте Владимире Путине», и 28% – в «брежневские» годы [Октябрьская..., 2017].

«Путинский» политический режим, сохраняя внешние атрибуты демократического порядка, приобрёл, по сути дела, *плебисцитарный* характер. Институт выборов служит не столько для решения критически важных для страны проблем посредством всеобщего голосования, сколько для подтверждения доверия первому лицу и его действиям, включая выбор кандидатур на высшие должности. При этом основная масса людей и сейчас, судя по опросам, считает, что страна «идёт в правильном направлении».

Если изменения, то какие?

Под политическими инновациями принято понимать *революции* или *реформы* [Хантингтон, 2004]. Революция в подлинном смысле – это взрывной рост политической активности масс, разрушение существующего и создание нового общественно-политического порядка. Но такие – народные, великие – революции достаточно редки, т. к. условия для них созревают долго. «Дворцовые революции», как и инспирированные извне «цветные революции», а фактически перевороты – это другая история.

Возможно ли изменение политической системы в России путём революции? Теоретически – да, но предпосылок для этого сейчас нет, и в ближайшем будущем не предвидится. Некоторые лидеры радикально-либеральной оппозиции одно время лелеяли надежды на «мирную революцию» по образцу киевского майдана, но тем самым ещё больше дискредитировали себя в глазах общества. Запрос на перемены в обществе есть, но большинство россиян не хотят революционных потрясений, отвергают эту альтернативу, предпочитая постепенные, эволюционные изменения.

Другой вариант политической инновации – реформы. Это частичные изменения, проводимые «сверху» в ответ на внутренние или внешние вызовы, но цели могут быть разные. Принципиальное значение имеет их *направленность*. Одни лишь меры по укреплению «вертикали власти» не делают политическую систему более гибкой и демократичной, т. к. не удовлетворяют интересы тех крупных общественных групп, которые хотели бы более активно участвовать в политической жизни. Низовые практики «демократии участия» ориентированы главным образом на привлечение граждан к решению частных или сугубо местных проблем.

В обществе существует запрос на *более отзывчивые к нуждам большинства населения работающие институты* [О чём мечтают..., 2013]. Возможны ли у нас политические реформы, направленные на повышение уровня институционализации и демократичности политической системы, на исправление социальных перекосов? Ответ отчасти зависит от того, как мы её оцениваем. Если как однозначно авторитарную, а такие суждения есть, то в этом случае их вероятность низка.

Представляется, что наиболее правильным было бы оценивать существующий тип власти как «гибридный», т. е. основанный на сочетании авторитарного начала и демократического, по крайней мере, на низовом уровне. Это подтверждают, в частности, результаты одного опроса, в ходе которого респондентов попросили дать оценку предпочтительного, с их точки зрения, политического режима по шкале от 1 (полный авторитаризм) до 10 (полная демократия). Согласно результатам этого опроса, существует относительно твёрдое ядро (около 50%), состоящее из людей, которые отдают предпочтение гибриднему режиму «электорального авторитаризма», т. е. признают определённые достоинства как за демократическими, так и за авторитарными ценностями и практиками [Рогов, 2012: 8–9].

Понятно, что всякое управление предполагает известную дозу авторитарности (единоначалие). В этом смысл российской «вертикали власти». Однако сама по себе она не может удовлетворительно решить все проблемы современного сложного общества. Всё большее значение с точки зрения эффективности управления приобретают горизонтальные связи. Поэтому централизация должна в разумных пределах подкрепляться децентрализацией. Направления, по которым могло бы идти повышение уровня политической институционализации в России, — это соблюдение конституционных принципов разделения властей, законности, федерализма, повышение роли гражданского общества, упорядочение законотворчества.

В любом случае возможность политических реформ ограничена объективной необходимостью сохранения сильной президентской власти — несмотря на все её бюрократические издержки. Различия в потенциалах российских регионов столь велики, что выдвижение *парламента* в центр политической системы сопровождалось бы крайним обострением разногласий и внутривнутриполитической борьбы.

Особенности политической системы любой страны — продукт исторического развития нации, общества, государства в «заданных» по отношению к ней внешних условиях. Общественный строй, как справедливо отмечает академик М. К. Горшков, «не пустая и мёртвая оболочка, которую можно менять, как кому заблагорассудится. Он неразрывно связан с жизнью народа, с природой и размерами страны, её геополитическим положением, историческими судьбами, более того — с характером и духом народа, т. е. его религией, обычаями, уровнем правосознания или культуры в целом». И он добавляет: «действенные

политические и экономические формы создаются не логически, но историческим путём: каждый народ приходит к ним самостоятельно в процессе собственного развития» [Горшков, 2012: 9].

Список литературы

Варшавский А. Е. Проблемные инновации: риски для человечества: Экономические, социальные и этические аспекты. М.: URSS, 2014. 328 с.

Вернадский В. И. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г. П. Аксенов. М.: Современник, 1993. 685 с.

Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. Вып. 11. С. 3–26.

Давыдов Ю. Н. Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. 432 с.

История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4 / Отв. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. СПб.: РХГИ, 2000. 736 с.

Капустин Б. Г. Что такое консерватизм? // Свободная мысль-XXI. 2004. № 2. с. 44–53.

Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 640 с.

Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. 476+1 с.

Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2009. 208 с.

Костина А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. М.: URSS, 2010. 144 с.

Октябрьская революция [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Пресс выпуск 05.04.2017: [веб-сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2017/04/05/oktvabrskaya-revoljutsiya-2/> (дата обращения: 15.04.2017).

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

Рогов К. Ю. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. № 4–5 (56), июль–октябрь. С. 6–32.

Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. М.: Изд-во Новости; Catallaxy, 1992. 304 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Холодковский К. Г. Самоопределение России. М.: РОССПЭН, 2013. 326 с.

Castells M. The Power of Identity. Malden (Ma.); Oxford: Blackwell Publishers, 1997. 461 p.

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley & Sons, 1973. 367 p.

Eisenstadt S. N. Cultural Tradition, Historical Experience, and Social Change: The Limits of Convergence. The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at the University of California, Berkeley. May 1–3, 1989 [Электронный ресурс] // THE UNIVERSITY OF UTAH: [веб-сайт]. URL: http://tannerlectures.utah.edu/_documents/a-to-z/e/eisenstadt90.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

Дата поступления в редакцию: 15.04.2017

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5149

Interrelation of Traditions and Innovations in the Light of the Problems of Modernity

Veber Alexander Borisovich

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia.
E-mail: mailbox@polisma.ru

Abstract. The priorities of modernization and innovative development should not obscure the existential significance of traditions as another, no less important aspect of social life. The focus of the article is the correlation of traditions and innovations, considered in relation to the paradoxical situation of our time, with its striking contrast between the impressive technological and economic achievements of civilization, which open up unprecedented opportunities for creating decent living conditions for all. The flip side of these achievements – global risks and Threats to humanity. In this situation, traditions as a social mechanism for transferring the life experience of many generations accumulated in them, including the experience of adaptation to changes, perform a stabilizing function. Conscious or intuitive resistance to the onslaught of global market forces and extreme individualism finds support in the traditional values of national cultures, religion, family, human solidarity. Thanks to cultural traditions, there is the possibility of continuity and sustainability of social reproduction. Adhering to the historical sociological approach, it is necessary to take into account differences in the role of traditions at different historical stages, different understanding of traditions in the context of different situations and ideological interpretations. Particular attention is paid to the interrelation of traditions and innovations in the political sphere, including in Russia.

Keywords: traditions, innovations, values, national cultures, globalization.

REFERENCES

Varshavskij A. E. 2014. Problemnye innovacii: riski dlja chelovechestva: Jekonomicheskie, social'nye i jeticheskie aspekty. [The problematic of the innovation: the risks to humanity: Economic, social and ethical aspects.]. M.: URSS. 328 p. (In Russ.).

Vernadskij V. I. 1993. Zhizneopisanie. Izbrannye rudy. Vospominanija sovremennikov. Suzhdenija potomkov. [Biography. Selected works. Memoirs of contemporaries. Judgments of descendants]. Sost. G. P. Aksenov. M.: «Sovremennik». 685 p. (In Russ.).

Davydov Ju. N. 1990. Sovremennaja zapadnaja sociologija. Slovar'. [Modern Western sociology. Dictionary]. M.: Politizdat. 432 p. (In Russ.).

Gorshkov M. K. 2012. Grazhdanskoe obshhestvo I grazhdanskaja kul'tura v sovremennoj Rossii: opyt sociologicheskoi diagnostiki. Vmesto predislovija. [Civil society and civic culture in modern Russia: experience of sociological diagnostics. Instead of a Preface]. *Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. M.: Novyj hronograf. Vyp. 11. P. 3–26. (In Russ.).

- Hajek F. A.* 1992. Pagubnaja samonadejannost'. Oshibki socializma. [Fatal conceit. The errors of socialism]. Per. S angl. M.: Izd-vo «Novosti» pri uchastii izd-va "Catallaxy". 304 p. (In Russ.).
- Hantington S.* 2004. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah. [Political order in changing societies]. Per. S angl. M.: Progress-Tradicija. 480 p. (In Russ.).
- Holodkovskij K. G.* 2013. Samoopredelenie Rossii. [Self-Determination Of Russia]. M.: ROSSPJeN. 326 p. (In Russ.).
- Istorija teoreticheskoy sociologii. V 4-h t. [The history of theoretical sociology, 4 vols.]. 2000. T. 4 Ed. by Ju. N. Davydov. SPb.: RHGI. 736 p. (In Russ.).
- Kapustin B. G.* 2004. Chto takoe konservatizm? [What is conservatism?]. *Svobodnaja mysl'*-XXI. № 2. P. 44–53. (In Russ.).
- Kastel's M.* 1999. Mogushhestvo samobytnosti. [The power of identity]. *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade*. Antologija. Ed. by V. L. Inozemcev. M.: Academia. 640 p. (In Russ.).
- Ključevskij V. O.* 1989. Soch.: v 9-ti t. [Works in 9 volumes]. M.: Mysl', T. 5. Kurs russkoj istorii. [The course of Russian history]. Ch. 5. 476+1 p. (In Russ.).
- Kondrat'eva T. S.* 2009. Kormit' I pravit': O vlasti v Rossii XVI-XX vv. [To feed and rule: On power in Russia XVI-XX centuries.] Per. S fr. M.: ROSSPJeN. 208 p. (In Russ.).
- Kostina A. V.* 2010. Sootnoshenie tradicionnosti I tvorčestva kak osnova sociokul'turnoj dinamiki. [The ratio of tradition and creativity as the basis of socio-cultural dynamics].M.: URSS. 144 p. (In Russ.).
- O chjom mechtajut rossijane: ideal I real'nost'. 2013. [What do Russians dream of: ideal and reality]. M. K. Gorshkov [I dr.]; Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, N. E. Tihonova. M.: Ves' Mir. 400 p. (In Russ.).
- Rogov K. Ju.* 2012. Politicheskie cikly postsovetskogo tranzita. [Political cycles of post-Soviet transit]. «*Pro et Contra*». № 4–5 (56), ijul'-oktjabr'. P. 6–32. (In Russ.).
- Castells M.* 1997. The Power of Identity. Malden (Ma.) Oxford, Blackwell Publishers. 461 p.
- Eisenstadt S. N.* 1973. Tradition, Change and Modernity. New York: John Wiley & Sons. 367 p.
- Eisenstadt S. N.* 1989. Cultural Tradition, Historical Experience, and Social Change: The Limits of Convergence. The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at the University of California, Berkeley. May 1–3. [Electronic resource]: THE UNIVERSITY OF UTAH: [web-site]. URL: <http://tannerlectures.utah.edu/documents/a-to-z/e/eisenstadt90.pdf> (date of access: 12.02.2017).

Date received by 15.04.2017